структом, созданным антропологами, нежели переживаемой реальностью или разделяемым взглядом их самих[1], то это же самое можно сказать об этническом культурном единстве городской еврейской общины, с точки зрения ее типичного представителя. Только вместо антропологов будут выступать религиозные и светские организации (не случайно среди наших респондентов встречается мнение, что община — "плод воображения лидеров и активистов еврейских организаций").

Результаты нашего исследования показывают, что современная городская этническая община стоит на пороге новых социальных стандартов и нормативов ее формы, видов деятельности и восприятия как со стороны ее "строителей" в лице национальных организаций, так и общества в целом. От них будет зависеть, что будет считаться традицией, достойной "социального повторения". Понимание того, что в этом древнейшем социальном институте человеческой общности можно "строить", а что только "выращивать", в какую сторону идет его трансформация под влиянием процессов глобализации и технической оснащенности межличностных связей, возможна только на основе глубоких междисциплинарных исследований реальных процессов, происходящих в этническом пространстве города.

[1] *Morin F., d'Anglure S.B.* Ethnicity as a Political Tool for Indigenous Peoples // The Politics of Ethnic Consciousness / Ed. C.Govers, H.Vermeulen. L.: MacMillan, 1997. P. 157–193.

Мартин Мюллер
Университет Вильгельм,
Вестфалия, Мюнстер

Геополитика и географические образы: социальная конструкция мирового пространства в России

Введение

С распадом Советского Союза, термины "геополитика" и "геополитическое мышление" стали вновь широко употребляться в академических и общественных дискуссиях в России. За несколько последних лет мы стали свидетелями публикации целого ряда книг российских авторов как в популярном, так и в (псевдо)научном жанре, посвященных вопросам, о которых писали Бжезинский и Хантингтон. Книги таких авторов, как В.Колосов и Н.Мироненко[1], Н.Нартов[2], Д.Тренин[3], А.Дугин[4], Г.Зюганов[5] или А.Митрофанов[6], являются лишь представителями более широкого возрождения пространственного элемента в политической теории. После того как В.Путин произнес часто цитируемый афоризм о том, что распад Советского Союза был "крупнейшей геополитической катастрофой XX века", данное возрождение было подтверждено примерами на самом высшем уровне российской политики. Это особо примечательно, поскольку в советские времена геополитику заклеймили как "лженауку", низведя ее до уровня наук-изгоев[7].

[1] *Колосов В.А., Мироненко Н.С.* Геополитика и политическая география. М.: Аспект Пресс, 2001.

[2] *Нартов Н.А.* Геополитика: Учебник для вузов. 3-е изд. М.: Юнити-Дана, 2004.

[3] *Треин Д.* Россия: Die gestrandete Weltmacht. Гамбург: Мурманн, 2005.

[4] *Дугин А.* Основы геополитики: Геополитическое будущее России. Мыслить пространством. 4-е изд. М.: Арктогея-Центр, 2000.

[5] *Зюганов Г.* География победы: Основы российской геополитики. М., 1998.

[6] *Митрофанов А.* Шаги новой геополитики. М.: Русский вестник, 1997.

[7] *Басин М., Аксеров К.Е.* Макиндер и теория центрального региона в постсоветских геополитических дискуссиях // Геополитика. 2006. № 11. С. 99–118.

© Мартин Мюллер, 2007

Хотя геополитика часто рассматривается как объективная на первый взгляд географическая "наука", географы критического направления утверждают, что геополитические теории имеют в своей основе *географические образы пространства* — социальные конструкты, оказывающие влияние только благодаря своему распространению в среде и широкому признанию в обществе. Отрасль географии, называемая "критическая геополитика", стремится раскрыть невысказанные утверждения, образующие эти географические образы и представления и тем самым устранить загадочность геополитической аргументации. Подъем геополитической науки в России был замечен западными географами критического направления, и в данной статье мы собираемся представить некоторые последние работы на эту тему.

1. От геополитики классической до геополитики критической

Геополитика, в ее традиционном понимании, анализирует географические факторы с целью определить скрытые смыслы, влияющие на внешнюю политику страны. Она рассматривает международные отношения с внутренне присущих ей пространственных или географических позиций[1].

Одной из наиболее известных крупных теорий геополитики является теория важного района ("центральной земли") Х.Макиндера и его постулат о существовании так называемой "центральной области"[2]. Его работа "по всеобщему признанию считается определяющим моментом в истории геополитики, текстом, на который неизменно ссылаются исследователи истории геополитики"[3]. Спустя более, чем 100 лет после того как Х.Макиндер впервые сформулировал свою гипотезу, его работа все еще привлекает внимание равно как географов, так и политологов[4].

[1] *Паркер Дж.* Геополитика: Прошлое, настоящее и будущее. Лондон: Пинтер, 1998.

[2] *Макиндер Х.Дж.* Географическая ось истории // Географический журнал. 1904. № 23. С. 421–444.

[3] *О Туатэйл Дж.* Критическая геополитика: Политика написания глобального пространства. Миннеаполис: Юниверсити ов Миннесота Пресс, 1996. С. 25.

[4] Например, см.: *Брэдшоу М.Дж., Прендергаст Дж.* Повторное посещение центральной России: Оценка трансформации России // География и экономика Евразии. 2005. № 46. С. 83–122; *Доддс К., Сайдэвэй Дж.Д.* Хэлфорд Макиндер и "географическая ось истории": Столетняя перспектива // Географический журнал. 2004. № 170. С. 292–297; *Мегоран Н.* Повторное посещение "главной земли": Влияние Хэлфорда Макиндера на анализ международных отношений Узбекистана // Географический журнал. 2004. № 170. С. 347–358.

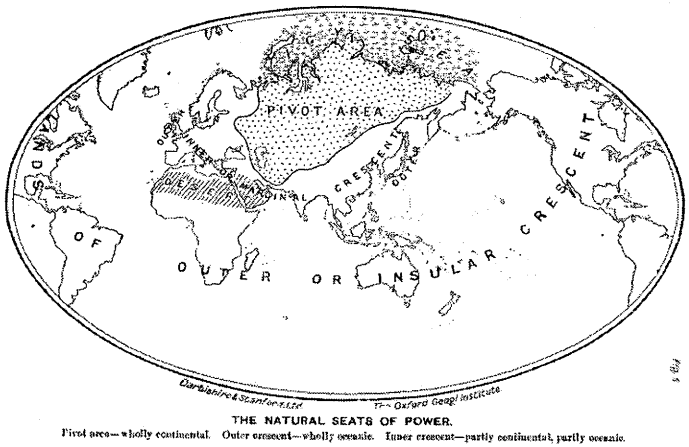

***Рис. 1.* Карта, иллюстрирующая теорию центрального региона Макиндера, показывает наиболее благоприятные области для создания новой сверхдержавы**
1 — центральное ядро; 2–3 — периферийные слои; 4 — территория "черной дыры"

Источник: Макиндер Х.Дж. Географическая ось истории // Географический журнал. 1904. № 23. С. 435.

Впервые опубликовав свою работу в 1904 г., Макиндер строит гипотезу, согласно которой область, известная сейчас как Центральная Азия, обладает всеми необходимыми географическими характеристиками, чтобы стать колыбелью новой сухопутной сверхдержавы. В частности, он называет географическое положение Центральной Азии ключевым для дальнейшего развития сверхдержавы и на основе своего пространственного анализа составляет карту, показывающую "естественные места концентрации власти" (рис. 1).

Макиндер предсказывает, что тот, кто будет контролировать центральную область, будет управлять всем миром. Особо важно отметить, что он основывает свою теорию на предполагаемой объективности географических факторов. В отличие от всех других факторов, влияющих на политику, геополитика представляется свободной от "воздействия" субъективности человека и предоставляет объективные детерминанты международной политики, или, по словам Н.Спайкмена, "география не спорит, она просто существует"[1].

Именно с претензией классической геополитики на объективность пытается бороться критическая геополитика, которая выступает против взгляда на географию как на нейтральную, объективную

[1] *Спайкмен Н.Дж.* География и международная политика // Американский вестник политической науки. 1938. № 32. С. 213–136.

науку. Дж. О Туатэйл[1], один из основателей дисциплины критическая геополитика, утверждает, что "география мира не является продуктом природы, это — продукт разных историй борьбы между конкурирующими силами за полномочия организовывать, оккупировать и управлять пространством".

Далее он описывает, что данная дисциплина занимается "социальной разметкой, распределением глобального пространства интеллектуалами, владеющими искусством управления государством"[2], тем самым фокусируя внимание на элитах, что типично для большинства работ по критической геополитике. Таким образом, критическая геополитика понимает пространство не как объективную реальность, а как социально сконструированное явление, которое поддерживается так называемыми "географическими образами". Географические образы отражают воспринимаемое место расположения государства в мире и играют центральную роль в выражении и формировании пространственных идентичностей[3]. Эти географические образы создаются с помощью текстов и изображений, приобретая значение в обществе на основе их широкого принятия.

Главное стремление критической геополитики состоит в том, чтобы раскрыть пути, по которым с позиций привилегированного оратора происходит стратегическое конструирование географических образов, что определяет главные отношения власти. В процессе осуществления этой задачи она не нацелена на раскрытие истинного, скрытого значения, подобная цель была бы в противоречии с неясной, постоянно изменяющейся природой критической геополитики. Вместо этого она стремится:

— определить проблематику разграничения отношений между географией и политикой как связанную с основными идентичностями и сферами;

— документировать стратегии, с помощью которых правительства создают карты глобальной политики;

— подорвать инфраструктурное функционирование подобных карт[4].

Подводя итоги, можно сказать, что критическая геополитика предпринимает попытки продемонстрировать то, как пространство и пространственная риторика искажаются с точки зрения объективности для достижения определенных политических целей, и таким образом выявить тесную взаимосвязь между географией и политикой. Она анализирует построение идентичности через географические образы и исходя из их условности пытается противодействовать главенствованию и тем самым политическому доминированию лишь одного географического образа.

[1] *О Туатэйл Дж.* Критическая геополитика... С. 1.

[2] Там же. С. 61.

[3] *Долби С.* Критическая геополитика: Дискуссии, отличия и разногласия. Окружающая среда и планирование // Общество и пространство. 1991. № 9. С. 261–283.

[4] *О Туатэйл Дж.* Вымещение / Помещение геополитики: Пишем на картах глобальной политики. Окружающая среда и планирование // Общество и пространство. 1994. № 12. С. 535.

2. Географические образы в России: евразийский аспект

За последние 15 лет географы на Западе отдают предпочтения изучению географических образов и их роли в возрождении геополитической теории в России. Л.Цыганков[1] предпринял попытку разобраться во взаимно пересекающихся и туманных представлениях о месте России в мире, разделив их на разные категории (табл. 1).

Многочисленные географические образы, связанные с этими "школами", существуют только в России и имеют долгую традицию. Это касается и "евразийства", являющегося порождением интеллектуального движения, получивший первоначальный толчок в 1920-е годы как противовес европейской ориентации России. В современной России термин "Евразия" присвоен наиболее радикальному политическому движению под руководством А.Дугина[2] и составляет ядро географического образа, защищающего территориальную экспансию России. Хотя понятно, что А.Дугин не является представителем широкой общественности в России, но его учения наилучшим образом иллюстрируют главное утверждение предыдущей части: концептуализация пространства и географии как кажущиеся объективные факторы, определяющие требования международной политики. Далее мне хотелось бы свое внимание сконцентрировать на двух аспектах проявления пространства в работах А.Дугина: использование им карт, или скорее картограмм, и бинарных пространственных метафор.

Благодаря наглядности и легкой читаемости карт очевидно то, что они являются самым мощным инструментом создания географических образов[3]. "В качестве выражения социально созданного географического знания, карты обладают внутренней способностью

[1] *Цыганков А.П.* Освоение пространства в Евразии: Российская геополитическая мысль после советского раскола // Исследования коммунизма и посткоммунизма. 2003. № 36. С. 101–127.

[2] Например, см. *Ингрэм А.* Александр Дугин: Геополитика и неофашизм в постсоветской России // Политическая география. 2001. № 20. С. 1029–1051.

[3] В советском контексте, см.: *Моран Д.* Советская картография в камне: "Карта индустриализации". Окружающая среда и планирование // Общество и пространство. 2006. № 24. С. 671–689.

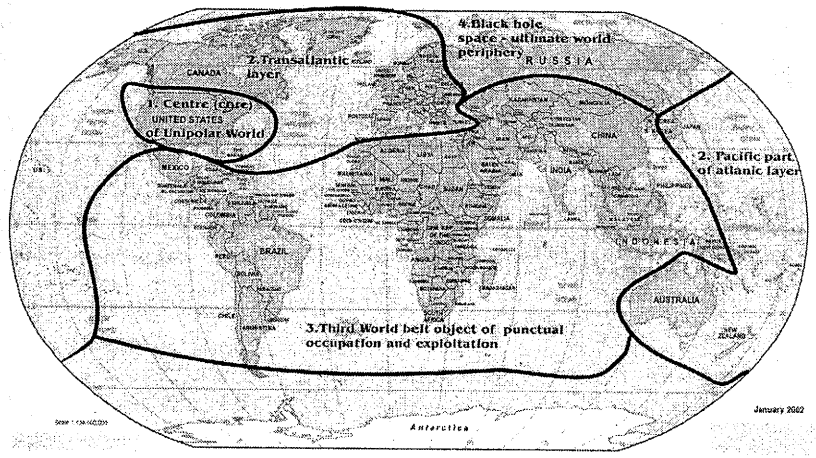
Таблица 1

Школы геополитических теорий в России

Показатель	Сторонники экспансии	Сторонники цивилизации	Сторонники стабилизации	Геоэкономисты	Сторонники Запада
Образ Евразии (бывший Советский регион)	"Континентальная империя"	"Цивилизация"	"Пересечение экономических и культурных влияний		"Не единица" пространства
Цели безопасности России в Евразии	Власть	Выживание	Стабильность	Развитие	Приспособливание, демократия
Политические границы России в Евразии	За пределами бывшего Советского Союза	Бывший Советский Союз	Современные постсоветские границы		
Стратегия безопасности России в Евразии	Неограниченная политико-военная экспансия и альянсы	Умеренная политико-военная экспансия и геоэкономическая автаркия	Политико-военное балансирование и геоэкономические проекты под руководством государства	Трансрегиональное экономическое развитие через государственные и частные инициативы	Приспособливание к доминированию Запада
Главные партнеры	Германия, Япония, Иран	Китай, Индия и другие государства Евразии	Нет главных партнеров ("мультивекторная" внешняя политика		Запад
Внешняя среда	Геополитические империи	Местные цивилизации	Соревнование великих держав в условиях взаимной зависимости и плюрализма		Взаимная зависимость, определенная Западом
Внешние угрозы	"Атлантизм" или "торговая" цивилизация	Геополитические и геоэкономические давления с Запада и с Востока			Враждебные западные государства
Авторы проанализированных направлений	А.Дугин	Н.Нартов Г.Зюганов	Гаджиев	В.Колосов Н.Мироненко	Тренин

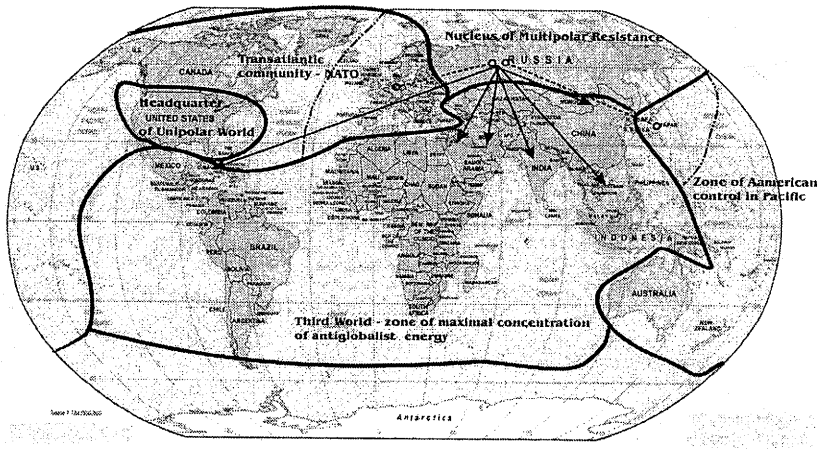
Источник: Цыганков А.П. Освоение пространства в Евразии: Российская геополитическая мысль после советского раскола // Исследования коммунизма и посткоммунизма. 2003. № 36. С. 111.

1. Карта однополярного мира

1 — центральное ядро; 2–3 — периферийные слои; 4 — территория "черной дыры"

2. Карта Российско-Евразийской реакции на однополярную глобализацию. Контрстратегия

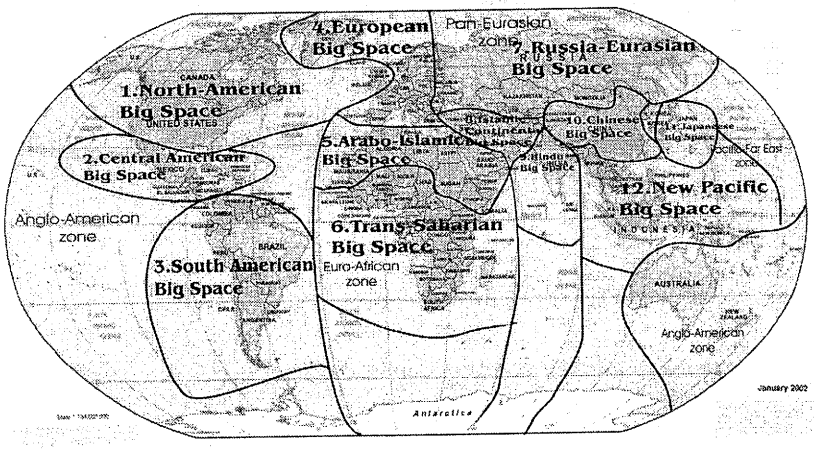
наиболее важные линии раскола проатлантического глобалистского пространства;
лучи тесного стратегического партнерства со странами третьего мира;
важные оси альянсов евразийской геополитики с "возникающими империями"

Великая Европа и свободная Япония.

***Рис. 2.* Евразийство, выраженное в четырех картах**

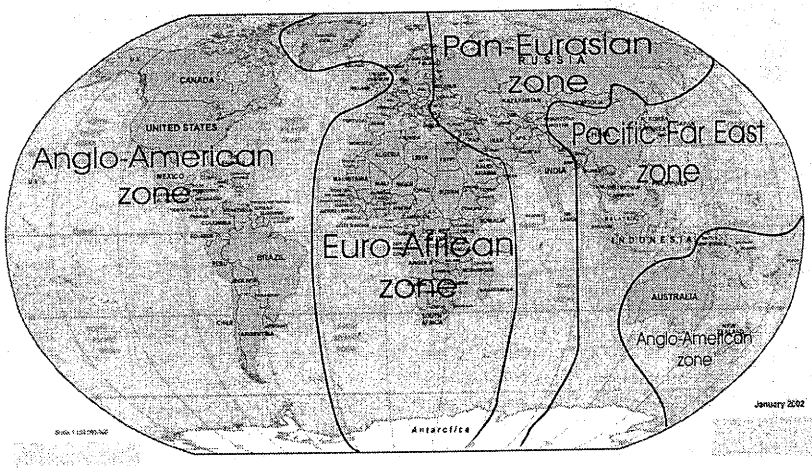
Источник: <www.evrazia.org>.

3. Двухмерная карта многополярного мира

4 зоны — большие пространства:
1) большое пространство Северной Америки; 2) большое пространство Центральной Америки; 3) большое пространство Южной Америки; 4) большое пространство Европы; 5) Арабо-Исламское большое пространство; 6) большое пространство Сахары; 7) большое пространство Россия—Евразия; 8) Исламское континентальное большое пространство; 9) Индуистское большое пространство; 10) Китайское большое пространство; 11) большое пространство Японии; 12) новое большое пространство Тихого океана

4. Карта многополярного мира

4 зоны — 4 полюса

Рис. 2. **Евразийство, выраженное в четырех картах (окончание)**

Источник: <www.evrazia.org>.

формировать представления людей о мире так, как одному тексту было бы не под силу"[1]. "Именно через призму карты мы видим, познаем и даже создаем более обширный мир"[2]. Для передачи основных мыслей своей геополитической философии Евразийства А.Дугин широко применяет карты или подобные картам изображения. По справедливому замечанию А.Ингрэма[3], из-за простоты и карикатурности многих карт может показаться более правильным рассматривать их как картограммы, изображения, подобные картам, меньше обращать внимание на точности физической географии, нежели передаче политической идеи. По утверждению А.Дугина, главные идеи Евразийства могут быть выражены с помощью четырех карт, которые представлены на рисунке 2.

На первой картограмме Россия изображена как изолированное государство внутри мира, состоящего из объединенных между собой государств, и испытывает давление, заставляющее ее защищать собственную территорию (обратите внимание на вогнутую линию, заходящую на территорию России). С помощью стратегии территориальной экспансии (вторая картограмма) Россия может освободиться от подавляющего влияния других государств, особенно США, и начать строить противовес влиянию, с тем чтобы противостоять доминированию США. Заметьте здесь повторение центрального визуального мотива Евразийства, пучок стрел, исходящих с территории России и смотрящих вовне. На третьей и четвертой картограммах Россия уже расширила свою сферу влияния и стала географическим центром более крупного мирового региона. Непреклонная позиция и абстрактность этих картограмм наилучшим образом иллюстрируют элитарное политическое ви́дение, "благочестивый фокус — увидеть все из ниоткуда"[4], который так часто подвергают критике О'Туатэйл и другие за искажение объективностей: "В геополитической дискуссии обращение к визуальности является способом отрицания текстуальности и расхождений"[5].

Другой заметной характеристикой работы А.Дугина является его чрезмерная опора на бинарные, противопоставительные описа-

---

[1] *Кулкази К.* Картографическое построение Курдистана в рамках геополитических и ориенталистских дискуссий // Политическая география. 2006. № 25. С. 685.

[2] *Хенриксон А.* Власть и политика карт // Переустройство мира: Геополитические перспективы на XXI век / Под ред. Дж.Дж.Демко, У.Б.Вуд. Боулдер: Вествью Пресс, 1994. С. 52.

[3] *Ингрэм А.* Указ. соч. С. 1036.

[4] *Хэрэвэй Д.* Обезъяны-роботы и женщины: Новое открытие природы. Лондон: Рутледж, 1991.

[5] *О'Туатэйл Дж.* Вымещение/помещение геополитики, которое нежелательно // Политическая география. 2000. № 19. С. 389.

ния. Это становится очевидным уже в самом начале, при чтении заявления о миссии движения Евразийства: там утверждается, что Россия либо станет активным субъектом в мировой политике как великая держава, либо превратится в объект, подчиненный и контролируемый другими, более могущественными государствами. Такая двойственность в подходе присутствует и тогда, когда требуется отличать Евразийство и противопоставлять его позициям соперников, которые не одобряются. Это обнаруживается, когда рассматриваются противостояния государств *сухопутных и морских* и *Евразийских и Атлантических*, или *Теллурократии и Талассократии*. А.Дугин противопоставляет *Восток Западу*, *Пространство Времени* и *Традицию* Современности[1]. *Такое четкое разграничение в основном вдоль пространственных линий служит средством создания ощущения общей однородности всего вопроса Евразийства. На основе географических образов создаются исключительные пространственные идентичности, которые искусственно сокращают выбор до бинарного — между "нами" и "ими". Подобное редуцирование явно игнорирует случайность любых из этих фиксаций и "закрашивает" темные стороны, связанные с любым видом политических решений.*

Вывод: геополитика = география как политика!

Очевидная абсурдность картограмм и присущие им двойственности, о которых шла речь в предыдущей части, позволяет говорить о них как о совершенно произвольных, поскольку они отражают крайне незначительные высказывания в российском обществе. Подобного рода условности практически нет в картограммах или двойственностях, которые касаются основных дискуссий в России и поэтому редко подвергаются сомнению. Однако эти дискуссии подвержены той же произвольности и в той же степени разумны или неразумны. Именно поэтому пример, пусть и преувеличенный, Евразийства Дугина должен нас насторожить.

В случае с Евразией пространство и географические образы не только неправильно используются как объективный контраст, с помощью которого основополагающим политическим решениям придается обличие рациональности. Слияние географии и политики представляет собой важный шаг на пути разоблачения и развенчания псевдонаучной геополитики как новой уловки, с помощью которой некоторые политические движения или взгляды отдельных ученых пытаются завладеть умами общества.

[1] Ср.: *Ингрэм А.* Указ. соч. С. 1029–1051, 1035 (для других примеров).

Т.Г.Нефедова,
доктор географических наук,
Институт географии РАН

Преемственность и изменения в организации внегородского пространства России

1. Город и деревня

Разделить места поселений на города и не города очень трудно. Согласно энциклопедическому словарю, город в России должен иметь не менее 12 тыс. жителей, не занятых сельским хозяйством на 85%[1]. Тем не менее у нас насчитывается порядка 175 городов, имеющих менее 12 тыс. жителей, а в 27 городах нет и 5 тыс. человек. Население 1461 поселка городского типа также считается городским, хотя многие из этих поселков мало чем отличаются от расположенных в сельской местности. Вместе с тем 140 сельских поселений имеют население более 10 тыс. человек, а более 800 — от 5 тыс. до 10 тыс.

Формально к городу у нас относится все, что находится в пределах городской черты. Она может включать резервные территории и даже сельскохозяйственные земли. А сельская застройка "частного сектора" — обычное явление в городах, особенно небольших.

Характерным признаком сельского дома в России можно считать отсутствие канализации. Уровень обеспеченности домохозяйств канализацией в 50%, типичный в среднем для малых городов, означает превалирование в городах сельской застройки и зачастую сельского образа жизни с огородами, птицей, иногда и со скотом. Но и в больших городах, особенно на юге, деревня также представлена в городах. Например, в Новошахтинске с населением в 100 тыс. человек, расположенном к северу от Ростова-на-Дону, канализация имеется лишь в 50% жилья, в соседних Шахтах с населением в 225 тыс. человек — всего 59%, т.е. меньше, чем в Переславле-Залесском. Лишь 143 из 1098 городов России обеспечены канализацией на 95–100%.

При 73% городского населения России только 59% всех граждан России живут в действительно городских условиях. А на юге (в Черноземье, на Северном Кавказе) менее половины. Налицо явная ру-

[1] Российский энциклопедический словарь. М.: Большая российская энциклопедия, 2000. Кн. 1. С. 381.

© Т.Г.Нефедова, 2007